

ЧЕЛОВЕК. НАУКА. КУЛЬТУРА

УДК 1(091)

РОССИЯ – ИМПЕРИЯ?! PUNCTUM DOLENS

В.В. Ильин

ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Калуга

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.1.005

Империя – высококачественный продукт социально-исторического развития, формирующийся в общественном устройении реализацией рафинированных технологий, в числе которых: экспорт этноса из властного ядра на покоряемую периферию, рекрутирование местной знати в центральную власть, поощрение межнациональных браков в элитарной среде, культуротворческая, идеократическая миссия (урбанизация, университетизация, генерация общенациональной идеи) и т. д. В текущий момент отечественного развития Россия лишена возможности реставрировать имперское пространство прошлого; ее актуальная державная задача – не внешнее расширение, но внутреннее сосредоточение, обеспечивающее процветание собственного народа.

Ключевые слова: империя, панидея, народ.

Сюжет «Россия – империя» в модальностях проблематической («Россия – империя?»), аподиктической («Россия – империя!») активирован не досужими модельными постановками, не отрешенно безотчетными томлениями склонной к исканиям национальной души. Нет. С феноменологической стороны он реанимирован усилиями прозорливого политического бомонда, озабоченности которого услужливо рьяно растиражированы падкими на дешевые прозрения агентами информационного демимонда.

Отношение к указанному сюжету как к злободневной теме взбудораженного массового сознания (тем более на фоне давних и недавних событий на Украине, в Нагорном Карабахе, Белоруссии, Казахстане, Таджикистане – Киргизии) приобретают символическое значение: значение обращения к геополитической сакристии – некоему эталонному камертону, по звучанию которого настраивают исполнение партий солистов-хористов мировой властно-государственной капеллы.

Ограничиваясь репрезентативными казусами, возьмем в расчет лишь два. Далеко идущим likelihood стоящим в оперативной повестке восстановлением Российской империи под фирмой возрождения СССР (политико-географическая консолидация традиционного пространства хартленд) страшает заинтересованных лиц (элиты, обывателей) Блинкен.

С диаметрально противоположных – nonhistrionic – идейных позиций трактует исторический смысл потенциальных процессов, возможных перемен Сурков.

Помимо феноменологической, однако, присутствует эссенциальная сторона, вмещающая – в преодолении конъюнктуры поверхности – усматривать некую объективную основу правдоподобных (в том числе реставрационных) изменений. Откуда следует: сюжетный жупел «Россия – империя» в разных модально-модельных прочтениях-редактурах, становясь компонентом концептуального, прагматического политического актива, востребует профессионально выверенной социально-философской рефлексивной проработки: представления существа могущего произойти в нашу и без того безотрадно катастрофическую эпоху – время «бурь гражданских и тревог».

Озадачиваясь подобной проработкой, опираясь при этом на факты общественного опыта, сделаем два провизорных уточнения.

1. Проблематика «Россия – империя» поглощается более объемным тематическим контуром – место, роль, назначение России в подлунном мире, – заявляющим богатство дискурсивно (конструктивно-реконструктивно) развертываемых экспликативных платформ.

2. Рефлексия постановки «Россия – империя» в любых интерпретациях не самоцельна и не самоценна; *ad sensum* замыкается на рефлексии более глубоких постановок: «иллюзорность – действительность», «вымышленность – несомненность» динамики неких хорологических [1] компактов, обладающих свойством замкнутости, в которые статусно, объективно-исторически Россия вписана.

Отталкиваясь от зафиксированного в пунктах 1 и 2, выскажемся предельно ясно: безотносительно к тому, считать ли (*de actu et visu, de fide, de motu proprio, de nomine*, каким-то иным образом) Россию империей или не считать, следует отдавать отчет о реальности Больших Геополитических Пространств (БГП) (со своей предметной, функциональной логикой), выполняющих своего рода сверхгосударственную (планетарно-морфологическую) устроительную миссию, подчиняющую взаимодействие держав, народов своим императивам.

В отсутствии концептуально сбалансированных взглядов некую предварительную версификацию положения дел проводит паранаука, ресурсами геомантики, сакральной географии синтезирующая почву и кровь, пространство и дух, месторазвитие и завет-предание, мир и организацию мира; в чистом виде предлагающая анималистско-гилозоистский масштаб социальных явлений, сплавливающий этатизм с идеократизмом. Популярное его (масштаба) приложение – головоломный образ специфической геополитической ошупи – образ метафизически отягощенной земли, реализующей всепланетарное призвание. В контексте обозначенного развертывают социально-философский (поли-

тологический) дискурс судьбически приноровленной территории – культурно-географически самодействующей панидеи.

Поясним нужное.

(1) хорологически панидея – номос, структурированное пространство, рельеф, месторазвитие (что довольно точно обрисовано политическими географами, геополитиками (Ратцель, Шмитт, Хаусхофер и др.), евразийцами), доводящими до последнего предела чрезмерности сочетание «натуралистического» и «духовного»;

(2) функционально панидея – организационно упорядоченное, плотно сбитое многообразие, интегрирующее политическое вещество по принципу анаболитических реакций;

(3) идеократически панидея – единящее судьбическое ядро, центр духовного тяготения, генерирующий емкое понятие избранной (избраннической) человеческой доли, исторической участи, глубинно обусловленного коллективного служения «общему делу».

Отношения принадлежности, порядка, конгруэнтности к выделенным в (1), (2), (3) координатно-импульсным определениям обогащают размышления эвристичным моментом: находящееся под юрисдикцией панидеи пространство – многомерно. Конкретно:

фазово: многообразие разнородных состояний системы;

динамично: многообразие эволюционирующих во времени состояний;

отделимо: замкнуто, не пересекается с однопорядковыми (типологически сходными) образованиями; в более строгом смысле – в технике задания нормального пространства по аксиоме отделимости T_4 : для замкнутых непересекающихся множеств существуют их непересекающиеся окрестности.

Эмпирическая проекция убеждает: таковы римская, русская, туранская панидеи.

В пределах плодотворной абстракции «панидея» получает оправдание двоякий тезис органичного (не химеричного) сочетания хорологического и аксиологического материала и спорадического восстановления его определенности на исторической сцене на больших временных интервалах. С точки зрения утрирования последнего возможно, следовательно, выдвигать более или менее доказательные схемы социально-политический фенологии [2].

Перемещение на фенологическую точку зрения позволяет установить отчетливую картину пульсаций (осцилляций), консолидированных с панидеями БГП – их казуальным расширением-сжатием.

Вопрос генеалогии территориальных абрисов панидей относительно прояснен: концентрацию в топосы исходно распыленного, иррадиированного политического вещества проводит силовой захват – аннексия, экспансия, – предусматривающий целенаправленный перенос (вброс) на несопряженные участки поверхности Земли регламентов во-

влечения и участия, порядков субординации и координации, условий господства и подчинения – обеспечения доминирования.

Распалется *melting pot*; переплавление мозаичных туземных структур идет империализацией – насильственной инкорпорацией оккупируемой периферии (колонизируемых сфер) в поглощающее (метропольное) ядро. (Империализация – технологически двусоставный процесс: силовое и духовное подчинение; решить, что важнее, а *prigori*, взаимоисключительно невозможно. Наполеон, к слову, отдавал предпочтение духу: «Я... вынужден объединить Европу оружием; то, что идет вслед за мной, должно быть убедительней... дух... побеждает шпагу»).

Проблема периодичности (размерности) – ритмико-цикличности изменений базовых контуров панидей не прояснена. Псевдодоктринальный романтизм (органицизм) (Шпенглер, Хлебников и К^o), тщетно вводящий временные зависимости, эпистемологически за гранью науки. Выглядит более состоятельной сравнительно-историческая ветвь доктринирования, комбинирующая факторные связи [3, с. 125–128].

Не входя в методологическое обеспечение социально-философского мыслетока, равнообразно отвлекаясь от спекулятивных моделей Земли (линия Парацельса – Диппеля), сосредоточим внимание на эмпирически адаптированной динамике БГП.

Малопонятно, но – несомненный факт: исторически упрочились, консолидировались, обособились аутентичные (до известных допусков) текстурно унитарные ареалы римской, русской, туранской панидей, по обстоятельствам то утрачиваемые, то воссоздаваемые во времени. В физическом макром мире время не обратимо. В историческом макром мире время имеет признаки субстанциальной инверсионности. В трактовке не «обращение», но «возвращение»; – именно: великое возвращение исторического времени.

Закон возвращения, монументального ретарде каких-то ставных состояний не вводится стандартным приемом опытной генерализации; здесь надо брать глубже, действовать тоньше, воспаряя к уровню «вечности».

Не обременяя изложение обсуждением гносеологических изысков, ограничимся пояснением: есть ситуации, не допускающие постижения существа дела измерением нарастания жизненного значения; есть ситуации, исключающие применение степенных соображений.

В стандарте интерес познания сосредоточивается на «понятии вещи»; в казусе интерес его поглощается понятием «вещи в себе». Перед нами в точности – казус, исключающий действие по стандарту уточняющего понятия. Действительно. Согласно предписаниям исчерпывающей многообразия фактуры диатетической стратегии, понятие задается уяснением соответствия вещей

трансцендентной природе – причастностью своим идеям – эйдосам (парадигма Платона);

имманентной природе – причастностью своим назначениям – целям (парадигма Аристотеля).

В отсутствии же обозрения «целокупности условий для... обусловленного» [4, с. 355] не удастся добиться четкого категориального (понятийного) представления реалий ни по эйдологии, ни по телеологии. Нет полноты объема; нет глубины содержания.

Положительное разрешение подобных казусов – двойное: а) умозрение; б) констатация. Перспектива (а) – тематизация «вещи в себе» умозрением разрушает культуру концепционного моделирования, вовлекает в тенета бредовых сценографий исторической морфологии в языке германо-, англо-, франко-, русо-, тюркофильства (фобии) с апологией национальной исключительности (богоизбранности) каких-то народов (держав) под углом зрения гегемонизма, мессионизма, миссионизма. Перспектива (б) – тематизация «вещи в себе» осторожной остенсивизацией имеет свои явные изъяны (отсутствие полета ищущей мысли), но и преимущества (опытная адаптированность осмотрительных генерализаций); последние перевешивают.

Выбирая (б), обобщаем.

В лоне турбулентных всемирно-исторических перипетий возникла Римская империя с подведомственным ей евроафриканским ареалом. Падение Рима провоцирует восстановление величия не «вечного города», но сцепленного с ним геополитического массива (разномастные, но типологичные эпопеи Карла Великого, Наполеона, Гитлера). Аналогично – российская империя с коррелятивным ей евразийским ареалом. Череда замятен, смут, многократных дезагрегаций пространственного контура в понижательных державных фазах ассистируется цепочкой обратных реставрационных явлений – многократных агрегаций падких на сессию частей в единое целое (в повышательных державных фазах – эпопеи Даниловичей, Петра I, Екатерины II, воссоздаваемые деятельностью Александра I, Николая I, Александра II, Николая II, Сталина, стоящего перед выбором Путина). Сходно – Арабский халифат с согласованным азиатско-африканским ареалом. После его распада (VII–IX вв.) отчетливы реанимационные усилия Османской империи (XV–XVII вв.) в завоевательных походах в Азии, Европе (Балканы, Валахия, Трансильвания), Африке (Магриб). Как видно, везде, всегда в качестве генеральной заботы – реставрация.

Высказанное оправдывает введение неких капитальных правил.

I. С известным лагом (пока не ясно – каким: временным, факторным?) отмечаются теллурические (Гумилев сказал бы: пассионарно детерминированные) модификации панидей в виде объемных (пока не ясно – каких: ритмических, циклических, периодических?) расширений-сжатий стягиваемых ими (точно в сферу Шварцшильда) подконтрольных пространств, укреплений-ослаблений, восстановлений-разрушений курирующих их (пространства) сверхдержав-империй.

II. Покрываемые панидеями пространственные сферы упорядочены, удовлетворяют аксиомам порядка (рефлексивность, симметричность, транзитивность), отношению принадлежности. С характерной детализацией:

(1) непосредственный пространственный контакт панидей – соприкосновение их геополитических потенциалов в повышательных фазах державной эволюции – конфликтогенен. Взятые почти наугад свидетельства: усиление Оттона I, II – императоров Священной Римской империи – в южной Европе индуцировало конфронтацию римской – туранской панидей – борьба с арабами, завершившаяся поражением 982 г.; предвоенный раздел восточной оконечности Центральной Европы по пакту Риббентропа – Молотова в нарушение аксиомы отделимости в редакции как упомянутой T_4 , так и T_1 (формулировка Рисса, Фреше), T_2 (формулировка Хаусдорфа), привел к горячему пересечению пространственных окрестностей римской и русской панидей, повлекшему планетарный кризис (II мировая война).

Современные аранжировки восстановления панидей:

русской – реставрация СССР в разных модификациях;

римской – перекрытие атлантизмом сферы стратегического предполя с расширением НАТО на Восток;

туранской – проект (события в Косово, Дагестане, Чечне, Крыму, экспорт ваххабизма и т. д.) геополитической дуги от Ядрана (через Крым, Кавказ) до Алтая, Сынцзяна (с дестабилизацией Поволжья), фланкирующей Россию враждебными сателлитами;

(2) компоненты пространственно-духовных многообразий панидей, рассредоточенные на периферии первоисточных центров, повышено деструктивны, коллаборационистичны относительно патримониальных ядер. Для англо–саксонского мира – Шотландия, Северная Ирландия, Уэльс. Для российского мира – Польша, Финляндия, Балтия;

(3) точки повышенной опасности взаимодействия панидей – лимитрофы, хинтерланд – податливые, несамодостаточные пограничные зоны, признаково агрегирующие ядерные параметры патронов и тяготеющие к ним в зависимости от конъюнктуры. Ценностно–географическую прокладку римской – русской панидей представляют Финляндия, Польша, Балтия, Галиция, Черная Русь; русской – туранской панидей – Крым, Кавказ, Закавказье, Туркестан. Поведение буферов–амортизаторов, разделяющих конфликтные напряжения геополитических гегемонов, ретроспективно описываются законом качания маятника: последовательным (намеренно-непреднамеренным) сближением с разнонаправленными источниками силовых полей.

В понижательной фазе лимитрофы удаляются от панидей – империям недостает средств удерживать в сфере влияния переходные земли. Так, в послефевральский период с весны 1917 г. при дезагрегации отечественной государственности пошла суверенизация лимитрофов.

От империи отложились: Эмират Северного Кавказа; Алашская автономия; Литовское независимое государство; Кокандская автономия; Республика горцев Северного Кавказа; Белорусская рада; Украинская центральная рада; Молдавская народная республика; Юго-западная Кавказская демократическая республика; Доно-Кавказский Союз; Северо-Карельское государство и др. (ср. с сецессией советской империи в 1991 г.).

В повышательной фазе лимитрофы подбираются панидеями: насильственно-ненасильственное соединение с Россией обеспечивает адаптивное кредитование аборигенов, представляет гарантии выхода в мировую историю, спасает от уничтожения (воссоединительные эпопеи Украины, Казахстана, Кабарды, Грузии и т. д.);

(4) порядок взаимодействия панидей устанавливается, регулируется мировым порядком (МП). МП – система международных обязательств, добровольно принимаемых на себя в ходе соглашений, которые легализуют конституированные балансы сил, сдержек, противовесов, – в первую очередь, преимущественно: конфигурацию госграниц; структуру дву-, многосторонних отношений; права владения, пользования, распоряжения; сферы влияния; зоны ответственности; технологии реализации высших интересов; инструменты обеспечения безопасности; гарантии ненападения; недопущение конфликтов; разрешение недопонимания; предпосылки лояльного, консенсуального, толерантного взаимодействия, взаимоприемлемого сотрудничества.

Крупнейшими консолидирующими системами МП являлись договорённости, достигнутые в пределах Утрехтского (1713) – Раштаттского (1714) мира, положившего конец европейской войне за испанское наследство; Версальско – Вашингтонской системы на базе соглашений по Парижской мирной конференции (1919–1920) и Вашингтонской конференции (1921–1922), итожащих результаты I мировой войны; Ялтинско – Потсдамской системы, сложившейся по переговорам лидеров союзных держав-победительниц во II мировой войне в ходе Крымской (Ялтинской 1945) и Берлинской (Потсдамской 1945) конференций.

В природном мире порядок возникает из хаоса, в социальном мире – из порядка. Назначение МП – гарантии: задание точной и прочной архитектуры предсказуемых, стабильных межгосударственных отношений посредством прозрачных правил обмена деятельностью, согласованных, всесторонних обоюдодовыгодных, обоюдодоплезных обязательств по поддержанию *status quo*.

В столь тонком, ответственном предприятии, как налаживание международной жизни, осевым направлением блокирования опасностей выступают правила и обязательства, регулирующие права и обязанности, минимизирующие непредусмотримое – волюнтарные – импульсивные, импровизационные «нерегулярные» акции, подрывающие высокий уровень партнерства.

Предыдущие МП отличала устойчивость: универсум был ясно и явно поделён на полосы ответственности, поясы преимущественных влияний, межгосударственные связи в кругу которых и между которыми характеризовались постоянством, ожидаемостью, неделимостью безопасности.

Ситуация принципиально изменилась в постсоветское, современное время: кладущая предел согласованной блоковости самоликвидация ОВД, СЭВ, СССР обусловила оформление нового несогласованного миропорядка с порочными, вирулентными свойствами: непредсказуемость, нестабильность, рисковость, претенциозность. До последней степени обнажилась самопротиворечивость политической основы; уничтожилась гарантийность; мир дошёл до последней предконфликтной черты функционирования в режиме с обострениями.

Сам собою актуализируется судьбоносный вопрос: что дальше?

Произвольная игра светотени слишком опасна, – никому не нужна. На каком же пути «аще живы будем и Бог даст»?

За счёт одних людей живут другие люди. Это – общеизвестно. Так устроена жизнь. Выстраиваема ли по законам жизни политика? Действует ли в ней непререкаемое кредо сервизма: «Абсолютная власть на одной стороне, абсолютное повиновение – на другой... Одни или несколько... должны повелевать, а остальные подчиняться»? [5, с. 239–240].

Дабы за счёт России не жили все остальные, руководство страны пошло по кратчайшему пути пробивания дороги через единовластие атлантизма. С данной целью предъявлен неудовлетворяемый ультиматум о добровольном отказе Запада от абсолютного первенства с восстановлением системы континентальной безопасности 30-летней давности. (Напрашивается непосторонняя проблема пределов безответственности, антинародности действия представителей национальной политической элиты: как можно некомпенсированно, юридически необязывающе сдавать завоевания святой кровавой Великой Отечественной. По договору 12.09.1990 г. об окончательном урегулировании в отношении Германии объединённый Запад получил всё, что хотел; в отношении же России каких бы то ни было нормативно-правовых актов (источников заявления нормативной саморегуляции) не принято. Опять же – напрашивается проблема институционального, экспертного, демократического обеспечения национальной политико-государственной деятельности, – к несчастью, решения (пока?!) не имеющая).

Ультимативное заявление интересов по поводу давно сделанного (не хочется думать – фатально непоправимого) непомерно сузило простор для маневров. Последним прибежищем, как обычно, оказывается верховное решение. Каким оно может быть?

Множество режиссёрских описаний политической пьесы вбирают возможности.

А. Имперский реставрационизм. «Россия наверняка возродится снова... – некогда высказывал Черчилль, – как великая объединённая империя, намеренная укрепить целостность своих доминионов и вернуть всё, что у неё было отобрано». Наступил ли вожделенный час реванша – возрождения, великого объединения, укрепления целостности, возврата потерянного?

Некоторые активисты отечественного политического Олимпа текущего времени, руководствуясь фейербаховским: человек – «животное религиозное», выказывают едва не молитвенную поддержку амбициозному великодержавному проекту, упирают при этом на наличие субъективных предпосылок его воплощения.

Коли так, непредвзято выскажемся вначале о перспективности уподобления деятельности ныне действующего Президента РФ деятельности учредителя римского принципата Октавиана (с 27 г. до н. э. – Августа). Общим в вершении ими дел державных выступает

- упрочение персональной власти;
- инкорпорация в управление лично преданной бюрократии;
- избавление от междоусобиц, замирение земель;
- активная линия в сфере укрепления, развития семьи и брака (без квалификации паушального эффекта);
- финансовая поддержка служилого слоя (военно-, госслужащих);
- предоставление гражданства иностранным подданным.

На этом сопоставление обрывается вследствие незавершённости (имперфектности) мировой линии Президента РФ, которая (как знать) может быть самой оригинальной. В таком случае аналитика довольствуется исключительно гипотетичной проекцией действительно свершённого (в прошлом) Октавианом на возможно свершимое (в будущем) Путиным. Тонизирующий проекционный компаративизм демонстрирует только следующее

Правление Октавиана	Правление Путина
– усиливало (проскрипции участников второго триумvirата Антония – Октавиана – Лепида) борьбу с олигархами;	– исключает её;
– отмечало вложение личных средств на социальное обустройство империи;	– не отмечает;
– предполагало рекрутирование в управление ставленников провинций;	– не предполагает;
– означало конец республики;	– пока не означает;
– оформляло новый тип державного управления – монархическую империю.	– пока нет данных (невзирая на фактически внедрённый режим пожизненного властвования с

анонсированной готовностью региональных лидеров (Крым, Чечня) принятия монархии).

Если озабочиваться не антропологической, но морфологической канвой процесса, от недостаточного субъективного требуется переходить к достаточному объективному архетипу.

Империя возводится не чудотворной рукой, но взыскательными, победное счастье влекущими технологиями, в многотрудной державо-устроительной деятельности выявленными А. Македонским.

Империя как форма организации диспергированных людей ресурсами власти, институций, идей оформляется рафинированно облигаторными обихоживаниями, как-то:

экспортом этноса из метрополии (подкрепляющая экспансию торгово-промышленная колонизация земель);

экспортом бюрократии (привлечение к управлению местами ставленников из центра);

инкорпорация аборигенной знати во власть;

урбанизацией (закладка стратегически ответственных опорных пунктов, городских центров);

централизацией финансовой политики (введение единой монетной системы);

интернационализацией армии (создание контингентов из эпитонов – обучаемых по лекалам центра аборигенов);

либеральным, избирательным отношением к обычаям покоренных народов (сакрализация власти – для Востока, поддержание демократических традиций властвования – для Запада);

активным наступлением на эндогамию (поощрение международных браков, создание энергичной буферной диаспоры, – «чтобы путем ... родственных уз установить между величайшими материками согласие и дружбу, какая существует между родственниками»).

Таков универсальный канон имперостроения, объективированный в вековом становлении и Россией, обретение аутентичной геополитической субъектности которой в качестве типичной теллуократии осуществлялось материковым расширением.

Все случившееся в нашей достославной истории было не зря, Россия стала великой державой, империей, получившей престижный контроль над геополитической осью мира – хартлендом. Ее имперское величие истребилось преступным Беловежским сговором, когда трое неуполномоченных кратократов в нарушение общенародной воли (весенний референдум 1991 г.) келейно обрушили всеисторическое национальное достояние. Мрачное дело сделалось.

Вещи разрушаются, люди уходят, события перемещаются в память – эфемерность прошлого. Пропала ли боль, что осталось?

Конечно, ностальгия; конечно, тепло по свершенному предками подвигу. Между тем – что же мы? Какого прошлого – небезразличные непресыщенные, мы благоприобретатели? Накатывающая лавина чувств канализируется рассудочной альтернативой: реверсия, ревизия, ревокация, регенерация (а) – антиреваншистская адаптация (b).

В модельном конструировании согласно (а) логично денонсировать (сходно с хрущевскими ордонансами по Крыму) Беловежские «необязательные» решения, недвусмысленно стать на путь анонсирования воскрешения советской государственности (ср.: инициативная депутатская группа С. Умалатовой). (Напрашивается аналогия по ситуации с германским обществом, не принявшим духа Версаля и отчаянно борющимся с ним вплоть до учреждения тлетворной имперской диктатуры (с чувствительным различием: национальная оппозиция внешнему завоеванию – внутреннему разбою)).

Подобный умозрительный ход не может тем не менее напрочь и сходу быть отброшен как вздорный по причине реалистичности прогноза неожиданного, едва не сбыточного. Жизнь не расчислима, рационально не калькулируема. Но тем интересна – интересна богатством непредусмотримых возможностей. По глубокому недоразумению только постигающий жизнь разум делает глупости. Ничуть не бывало: делает их посрамляющая разум жизнь.

Спросим и оставим без ответа, делал ли глупости политический разум, обязывая в течение полувека содержать в США параллельные балтийские правительства в изгнании?

Кто хотел, своего часа дождался. Для того, правда, потребовались лица, соответственные благоволящие им условия. (Для нашего эпизода нужна сильная Россия, сильная власть России). Когда и как пасьянс сложится – неведомо. Но не невозможно. Засим обобщим: материализации исхода (а) противится внутренняя неготовность, державная несосредоточенность России – в сдерживании натиска по всем сторонам горизонта предпринимать оперативную реставрацию.

Методом исключения остается, казалось бы, предпочтительный вариант (b) – обустройство в уготовленной жестким социальным отбором инволюционной инертной нише. Но и на первый взгляд перспективная стратегия самоукрепления также, к удивлению, не проходит. Не проходит по причине целенаправленного экспорта в Россию, ее имперские осколки (фрагментированные участки постсоветского пространства) хаоса, социально-политической, гуманитарной деструкции. От жесткой до мягкой силы – в данном неблагоприятном, неблагоприятном процессе лицедействуют, как ни грустно сознавать, буквально все: глобальные (США, ЕС, Китай), региональные (Япония, Турция, Пакистан) лидеры, их подручные локальные прислужники-марионетки (страны Восточной Европы, Балкан, Балтии, Скандинавии, Украина, Молдавия и др.), участвующие в сдерживании развития России.

Обоснованное обобщение сказанного: имперский проект (над которым, по косвенным данным, раздумывает Президент РФ) в непосредственной державной повестке страны располагаться не может. Россия внутренне вымотана недальновидной реформацией, утвердившей не либерально-рыночное, конкурентное, но корпоративно-олигархическое, монопольное хозяйствование. Итог – переобременение нерешаемыми проблемами, неснимаемыми заботами о будущем собственного народа, важнейшие из которых – борьба с бедностью; устрашающей смертностью, недопустимой убылью населения; падением уровня жизни; необратимой деградацией систем образования, здравоохранения, социального обеспечения, культуры; неэффективностью промышленного производства; опасным снижением численности среднего класса (в России – 18 %, в той же Польше – 70 %); низкой отдачей от вложений (в России на 1 руб. – 2,8 руб.; на Западе на 1 долл. – 5 долл.); гуманитарной разочарованностью граждан (прежде всего – молодежи; по опросам, у 53 % подростков доминируют эмигрантские настроения).

В России нет цельной программы подъема собственного народа. Это – печальная правда, которой надо смотреть в глаза, требуя кардинальных перемен.

В такой ситуации инкорпорировать в державу, брать на стратегический прицеп многомятежные, конфликтные, выказывающие лишь точечную лояльность, отставшие, духовно, культурно некогерентные, дезорганизованные, во многом деморализованные, востребующие заполнения полостей неустроя участки цивилизационной периферии – верх опрометчивости.

Что и подводит (пока!?) черту под имперским проектом, консервируемым до лучших времен.

Жесткая империализация заменяется мягкой цивилизацией; имперское поглощение уступает место региональному сотрудничеству в пределах культивирующей миссии русской панидеи.

В. Региональное сотрудничество. «Лучший стимул успеха – отсутствие альтернативы», – высказывала умудренная опытом державостроения, прозорливая Г. Меир. В варианте запрессованной России *usque ad nauseam* обостряется перспектива ее политико-исторической ответственности за поддержание благожелательного миропорядка на бывшей имперской патрице.

Отталкиваясь от первоисточного: Россия – не остров (как надуманно-вычурно, отрешенно-фантазмагорически схематизировал Цымбурский), а государство-материк, держава-континент; при невозможности заявления внутренней мощи как империи она заявляет ее как энтелехия панидеи. Остается геополитическое, метафизическое призвание, материализуемое в контексте региональной кооперации, межгосударственного сотрудничества.

Ставка – на мягкую силу, силу культивирующего влияния.

Россия заканчивается там, где заканчивается русский язык, русская культура, русские ценности, а с ними – русский дух, русская идея.

В кондовой минимальной признаковой атрибуции империя – жесткая, экспансивно мотивированная власть (безотносительно к форме общественного устройства: монархия – республика; диктатура – демократия), заточенная на насильственное владычество. Такая трактовка – безнадежный архаизм и анахронизм прошлого. Время, опыт расставили иные приоритеты. Обновленная версия империи обнаруживает в клоне клетки с модифицированной наследственной структурой, предобуславливающей нужное привлечение не силы, но выгоды. Конвертируя посягательство в посвятительство, империя оказывается формой умножения социальных преимуществ прямой инкорпорацией цивилизации в территорию.

Организация простого (прошлого – реликтового) общества крепится на насилии; организация сложного (нынешнего – техногенно-информационного) общества крепится на инициативном участии.

«Убивать темноту» (Андреев) в наше время подобает организацией сложного общества, предполагающей задействование исключительно культуротворческих креативных механизмов. Механизмов обустройства панидеи.

Вселенскость, цивилизационный универсализм, крепкая государственность суть факторы расширения границ влияния России, восстановления искомым ее мировых кондиций. Кондиций не планетарной гегемонии, а собственного величия – демонстрации совершенности, конкуренто-, кредитоспособности русской панидеи, под эгидой нации-государства восстанавливающей региональное евразийское единство.

Такова стратегия. Тактически

– анонсируется подобие доктрины Монро, декларирующей запредельную сферу неколебимых высших национальных интересов в свободной от деструктивных влияний зоне постсоветского евразийского пространства, военно-технически контролируемого широкими полномочиями расширяющегося оборонительного союза (ОДКБ);

– осуществляется реиндустриализация региона, нацеленная на формирование технологически реципрокных инновационных производительных кластеров;

– интенсифицируются культурно-образовательные, гуманитарные процессы, обеспечивающие усиление интернационального самочувствия в комфортной человекоемкой среде обитания.

По всему видно: открывается радужная перспектива народоориентированной региональной надгосударственности, ставящей во главу угла сбалансированное саморазвитие, – такое развитие, которое, отказываясь от пестования народом государства, добивается пестования государством народа. Как бы то ни было, Россия выстрадала имперскую инверсию: скомпрометированное в веках дискордантное «государство

пухнет – народ хиреет» замещается конкордантным «чем народнее самодержавие, тем самодержавнее народ».

Список литературы

1. Ильин В.В. Политология. М.: КДУ, 2018. 322 с.
2. Ильин В.В. Философия истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 380 с.
3. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание границы, возможности / под ред. Ильина В.В. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 301 с.
4. Кант И. Собр. соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. 799 с.
5. Bergson H. Les deux sources de la morale et de la religion. Paris, 1937. 346 pp.

IS RUSSIA AN EMPIRE?! PUNCTUM SALIENS

V.V. Ilyin

Bauman Moscow State Technical University (National Research University),
Kaluga

The empire is a high-quality product of socio-historical development, formed in the social order by the implementation of refined technologies, including: the export of an ethnic group from the power core to the conquered periphery, the recruitment of local nobility to the central government, the promotion of interethnic marriages in an elite environment, cultural, ideocratic mission (urbanization, university, generation of a nationwide idea), etc. At the current moment of domestic development, Russia is deprived of the opportunity to restore the imperial space of the past; its actual sovereign task is not external expansion, but internal concentration, ensuring the prosperity of its own people.

Keywords: *empire, panidea, people.*

Об авторе:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры «Общественные науки» Калужский филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)», г. Калуга. E-mail: vvilin@yandex.ru

Author Information:

ILYIN Viktor Vasilyevich – PhD, Professor of the Department of Social Sciences of the Kaluga Branch of the Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga. E-mail: vvilin@yandex.ru